

Таким образом, не только языковое воплощение, но и содержание объявлений, отражающее внеязыковую действительность, также претерпевает изменения в последние годы в направлении большей кооперативности. В структуре АО г. Минска наблюдается тенденция вытеснения кооперативными тактиками тех тактик, которые свойственны административно-деловому дискурсу, что способствует сокращению коммуникативной дистанции, формированию доверия между администрацией организаций и клиентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов, А. Б. Социально-психологические особенности восприятия клиента в деловом общении / А. Б. Белов // Психологические исследования. – 2012. – 5(25). – С. 9–17.
2. Карпова, Н. А. Административное объявление как речевой жанр [Электронный ресурс] / Н. А. Карпова. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/administrativnoe-obyavlenie-kak-rechevoy-zhanr-1>. – Дата доступа : 3.05.2019.
3. Еремеев, Я. Н. Директивные высказывания как компонент коммуникативного процесса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Я. Н. Еремеев. – Воронеж, 2012. – 223 л.
4. Букин, А. С. Некооперативный диалог (на материале англоязычной художественной литературы): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. С. Букин. – Орехово-Зуево, 2016. – 145 л.
5. Бурмакина, Н. Г. Категория корпоративности в академической коммуникации [Электронный ресурс] / Н. Г. Бурмакина. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-kooperativnosti-v-akademicheskoy-kommunikatsii>. – Дата доступа : 3.05.2019.

The article deals with the key tactics employed in administrative announcements in the city of Minsk. The paper reveals the tendency of an upward trend in the usage of communicative tactics showing support and respect, building rapport with the addressee. The dominant markers of the tactics in question are described and illustrated.

Поступила в редакцию 30.05.2019

О. О. Графутко

ЭМОТИВНАЯ СИТУАЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

В статье рассмотрены эмотивные ситуации, передающие страх, злость и грусть в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Выявлены критерии определения границ микротекстов, репрезентирующих ситуации в дискурсе. Проанализирована роль различных классов эмотивной лексики и закономерности ее функционирования в структуре эмотивных микротекстов на двух языках.

Эмоции являются неотъемлемой характеристикой человека, играющей важную роль в коммуникации. Как правило, они возникают в рамках ситуации, включающей субъект состояния, причину, условия переживания эмоции, свидетелей, стимуляторы [1, л. 324]. Такие «типичные жизненные (реальные или в художественном изображении) ситуации, в которых задействованы эмоции коммуникантов», будем называть эмотивными [2, с. 56].

Художественный дискурс представляет собой «депозитарий имен эмоций и эмоциональных (читай: эмотивных – О. Г.) ситуаций» [Там же, с. 65]. По своей природе романы, новеллы – это нарративы, имеющие определенную семантическую структуру. П. Торндайк ее компонентами считает обстановку (setting), мотив (theme), сюжет (plot), состоящий из эпизодов с действиями, направленными на достижение цели, и развязку (resolution) [3; 4]. На этом основании полагаем возможным считать эмотивные ситуации сюжетообразующими эпизодами, являющимися структурными компонентами нарратива. Эмотивные ситуации реализуются в эмотивных микротекстах – «фрагментах текста (блоках, сверхфразовых единствах), вычленяемых на тематической основе и отражающих какое-либо эмоциональное состояние или состояния субъекта» [1, л. 11].

Цель данной статьи – выявить закономерности структуры эмотивных микротекстов и функционирования эмотивной лексики в их составе. Материалом послужили 120 эмотивных микротекстов на английском языке и 124 – на белорусском с ведущими эмоциями грусти, злости и страха, отобранные методом сплошной выборки из современных романов («The New Republic» Л. Шрайвер; «Purity» Дж. Франзена; «Перакулены час», «Марыянеткі і лялькаводы» М. Южыка; «Цень анела» М. Клімковіча, У. Сцяпана).

Эмотивные ситуации могут быть отражены в текстовых фрагментах разного объема. Эмотивное вкрапление в неэмотивном массиве текста представляет ситуацию в свернутом виде: *Of her mother she could remember little more than a jumble of fear and sadness, hospital rooms, her father's sobbing, a funeral...* [FP, p. 164] ‘От матери в ее памяти не сохранилось почти ничего, кроме смеси страха и горя, больничных палат, слез отца, похорон...’ [ФБ, с. 243]. Несмотря на краткость отрывка, читатель легко декодирует участников, эмоции (эксплицированы лексемами *fear* ‘страх’, *sadness* ‘грусть’, *sobbing* ‘слезы’), их причину (болезнь и смерть матери).

Границы эмотивного микротекста могут быть определены с опорой на объемно-прагматическое деление текста (термин из [5]): начало/конец главы или отбивка в рамках главы нередко указывают на начало/завершение эмотивной ситуации. В белорусскоязычной выборке отмечены и другие маркеры начала новой ситуации:

- многоточие в начале абзаца:

Словам, кватэра Гольцавай была заповітным прыстанкам для гэтага... мяккага чалавека.

...Гадзіннік паказваў дзесяць хвілін першай, а Віталя ўсё не было. Гольцава хвалявалася [ЮМ, с. 79];

- смена начертания:

Даруй, што кажу табе пра гэта...

Чорны мікрааўтобус спыніўся побач з паштовым фургонам (сохранено авторское форматирование. – О. Г.) [КЦ, с. 36].

На границы эмотивного микротекста могут указывать лексические средства, означающие

- возникновение эмоции: *A horrible feeling **seized** Andreas, part loathing, ...part righteous rage* [FP, p. 105] ‘Жуткое чувство *охватило* Андреаса: частью отвращение, ...частью праведный гнев’ [ФБ, с. 156];
- затухание эмоции: *буркнуў той **без ранейшай злосці*** [ЮМ, с. 235];
- смену эмоции: *anger **had burned off... leaving... grief behind*** [FP, p. 31] ‘Злость выгорела..., осталась только... горечь’ [ФБ, с. 45];
- смену темы.

Безусловно, главный критерий выделения эмотивного микротекста – лексемы, называющие, описывающие и выражающие эмоции. Для декодирования и интерпретации эмотивной ситуации важно выявить ведущую эмоцию, чему способствуют единицы, *называющие* эмоции. Средства прямого названия эмоциональных переживаний выявлены в 48–63 % микротекстов на обоих языках (см. табл.). Имена эмоций значимы тем, что они понятны адресату, «репрезентируют гипотетическую эмотивную ситуацию» [1, л. 41] и помогают полнее представить описываемое событие. Более того, лишь 2–10 % микротекстов не содержали средств названия ведущей эмоции, что подтверждает ключевую роль этого класса лексики при вербализации эмотивных ситуаций в художественном дискурсе.

Т а б л и ц а

Средства названия эмоций в эмотивных микротекстах
на английском и белорусском языках, %

	ГРУСТЬ		СТРАХ		ЗЛОСТЬ	
	Англо-язычный дискурс	Белорусско-язычный дискурс	Англо-язычный дискурс	Белорусско-язычный дискурс	Англо-язычный дискурс	Белорусско-язычный дискурс
Наличие средств названия эмоций	93,75	89,47	100	98	94,6	94,5
Прямое название	53,13	52,63	59,4	56	48,2	63,6
Только косвенное название	40,62	36,84	40,6	42	46,4	30,9
Отсутствие средств названия эмоций	6,25	10,53	–	2	5,4	5,5

Анализ показал, что лексемы с семой ‘страх’ использованы в прямой и/или несобственно-прямой речи лишь в 37,5 % англоязычных и 34 % белорусскоязычных ситуаций; *грусть* лексически отражена в речи героев в 46,9 % англоязычных и 52,6 % белорусскоязычных ситуаций, а *злость* – в 69,6 % англоязычных и 78,2 % белорусскоязычных ситуаций. Причина кроется в характере анализируемых эмоций: страх и грусть часто реализуются как астенические, а грусть является стенической, что приводит к использованию говорящим лексических средств *выражения* злости, а также идентификации чужой эмоциональной реакции в своей речи.

Хотя наше внимание сосредоточено на эмотивной лексике, отметим значимость восклицательных и вопросительных предложений в рассматриваемых микротекстах. Восклицательные предложения могут как включать эмотивную лексику (*Хам!* <...> *Мала я яму ўляпіў! Вось жа сволач!* [ЮП, с. 104]), так и не содержать ее (*А я не жадаю ніякай сістэмы! Дасістэматызаваліся, хопіць!* <...> *Я хачу вольнага самавыяўлення, творчай прасторы!* [ЮМ, с. 49]). Во втором случае ближайший контекст может содержать уточняющую авторскую ремарку (*Сяргей са злосцю свідраваў бацьку вачыма* [Там же]).

Вопросительные предложения (обычно – риторические вопросы) также эффективное средство трансляции эмоций: *The agency couldn't foresee a staff shortage? Thought it was OK to send someone three hours late and not notify them? Made a practice of pulling aides off scheduled visits and sending them to other clients? Didn't even train its desk personnel to apologize?* [FP, p. 205] ‘Агентство не в состоянии предусмотреть нехватку персонала? Считает, это нормально – задержать помощника на три часа и не известить о задержке? Срывать помощников с запланированных визитов и отправлять к другим клиентам? И те, кто отвечает на звонки, даже не обучены извиняться?’ [ФБ, с. 304–305]. Данный фрагмент микротекста передает раздражение героини после звонка в агентство, не приславшее медбрата к ее мужу-инвалиду.

Эмотивный микротекст может иметь разную структуру. Идентификация ведущей эмоции в начале фрагмента устанавливает направление интерпретации ситуации и частично снимает необходимость в насыщенности отрывка эмотивной лексикой. Например, в начале одного из микротекстов присутствует фраза *He was pale, tight-lipped, furious* [FP, p. 242] ‘[Он был] бледный, сжавший губы, разгневанный’ [ФБ, с. 362], где выделенная единица сообщает, как декодировать дальнейший диалог, в котором эмоции лексически не проявляются.

С другой стороны, имя ведущей эмоции может встречаться лишь в финале ситуации: так, в одном из микротекстов герой сообщает собеседнице, что его мать больна раком. О грусти свидетельствуют лексемы *cry* ‘плакать’; (be) *sorry* ‘сочувствовать’; *a sob* ‘всхлип’. Автор называет переживаемую эмоцию лишь перед уходом героя (что указывает на близящуюся смену темы): *He sprang to his feet, his grief apparently forgotten* ‘Он вскочил на ноги, словно позабыв о горе (перевод наш, если не указано иного. – О. Г.)’ [FP, p. 249]. В таких ситуациях читатель может подтвердить свой вывод о передаваемой эмоции лишь ретроспективно.

Лингвисты отмечают, что для семантической структуры художественного дискурса характерен измененный и усложненный порядок следования элементов [6]. При анализе были выявлены микротексты, включающие текущее переживание эмоции и описание переживания такой же эмоции в прошлом. Например, в начале одного эпизода из белорусскоязычного романа героиня волнуется о возлюбленном, ожидая его прихода поздно вечером, что репрезентировано лексемами *хвалявалася, нервова, трывожна, страх*. Далее следует фрагмент с ее воспоминанием про недавний сон об убийстве этого ухажера (маркеры страха – *жах, страхалюдны, страшная* (здагадка), *напало-ханае* (сэрца)). Затем представлен визит свекрови, передающей героине привет от ее мужа-преступника (маркеры страха – *здранцвела, жаж, ліхаманкава*). Наконец, повествование возвращается к отправной точке: *І зараз..., калі трывожна чакала Віталя, не выходзілі з Анжэлінай галавы ні сон той пракляты, ні візіт ненавіснай свякрухі, ні д'ябальскае «прывітанне»* [ЮМ, с. 82]. При такой структуре микротекста ранее пережитый страх наслаивается на страх, испытываемый в настоящем, что позволяет понять глубину эмоции и контекст, в котором она переживается.

Число участников ситуации не всегда равно числу субъектов эмоции. Назовем эмотивные ситуации с одним субъектом эмоции моносубъектными, а с двумя и более – полисубъектными, причем первый тип может перейти во второй и наоборот. Например, в одном из микротекстов герой-мужчина изначально испытывает злость (*не ў гуморы, раздражненне, (з) лютасцю*), а его жена спокойна (*працавала з зайздросным спакоем*). Но с развитием ситуации героиня тоже раздражается, что ясно из ее действий (*сарвала* (фартух), *замахнулася*) и фонационных характеристик речи (*Замаўчы!, Што?!, бурчала, гаркнула*); дальнейшая авторская ремарка Людміла Пятроўна *здо-лела ўзяць сябе ў рукі* [ЮП, с. 173] указывает, что эмоция героини была кратковременной (в отличие от эмоций ее мужа).

В эмотивной ситуации возможна реализация более одной ведущей эмоции. Так, герой может испытывать два близких или далеких по модальности переживания: *трывожна і разам з тым злосна падумаў Бабаеўскі* [ЮМ, с. 118]. В полисубъектных ситуациях персонажи также могут испытывать разноплановые эмоции. Например, в одном из микротекстов героиня злится на собеседника из-за сокрытия ценной информации, а тот боится, что их разговор услышат. После диалогического фрагмента, наполненного средствами описания и выражения эмоций, автор так обозначает ситуацию: *The most indifferent bystander... would have registered Alexis Collier's outrage. At first, Edgar had feared that Jasmine Petronella would overhear the tirade... But by the time Alexis was through broadcasting his business to the whole world, Edgar's nervous glances had shifted... to the silent hulk looming by the door* 'Даже самый равнодушный посетитель... заметил бы негодование Алексис Колльер. Сначала Эдгар боялся, что Жасмин Петронелла услышит ее *тираду*... Но к тому времени, как Алексис закончила трубить во всеуслышание о его делах, *нервные* взгляды Эдгара переместились... на молчаливого увальня у двери' [SR, p. 281].

При анализе микротекстов, репрезентирующих злость, выявлена нередкая вербализация отвращения и/или презрения, что соответствует идеям К. Изарда, причисляющего эти эмоции к т.н. триаде враждебности [7]. Так, в одном из анализируемых примеров на оскорбительную просьбу собеседника герой реагирует со злостью (*Ух, як зарупела Сурмачу... сханіць Хведзьку загрудкі, ... скамячыць **ненавісны** твар, адарваць цела ад падлогі і шпурнуць у залу* [ЮП, с. 33]), сочетающейся с отвращением к просьбе и ее автору (*пачварына, грэбліва, працадзіў, агіднае рыла*).

Как уже отмечалось, скопление в микротексте различных эмотивных лексем, принадлежащих к одному микрополю, позволяет классифицировать его как эмотивный. Однако в текстовом фрагменте также может целенаправленно повторяться одна и та же эмотивная лексема: *I hate that there were always... I hate that you went... I hate that you don't have to... I hate that you'll never... I hate that you love ... I hate that you don't have to... I hate that you can't imagine...* 'Меня бесит, что всегда были... Бесит, что ты училась... Бесит, что ты можешь... Бесит, что ты никогда... Бесит, что ты любишь... Бесит, что тебе не надо... Бесит, что ты и представить не можешь...' [FP, p. 233]. Повтор эмотивных лексем в такой близости друг от друга позволяет сделать вывод о высокой интенсивности передаваемой эмоции.

Повтор эмотивной лексемы (нередко – имени эмоции) может не быть сконцентрирован в отдельной части ситуации, а встречаться на всем ее протяжении. Тем самым подчеркивается непреходящий, всепроникающий характер эмоции, ее значимость для персонажа. Так, в англоязычном микротексте о подготовке убийства герой испытывает тревогу, что отражено при помощи повтора лексемы *anxiety* 'тревога': *the anxiety had a life of its own* 'тревога жила собственной жизнью'; *his anxiety the previous night* 'прошлой ночью тревога'; *in the middle of his first night of anxiety* 'посреди первой ночи тревог'; *his anxiety had abated* 'тревога уменьшилась'; *now his anxiety was back* 'тревога вернулась'; *the pressure of unbearable anxiety* 'невыносимое давление тревоги' и др. [FP, p. 120–123]. Таким образом, полагаем, что любой повтор эмотивных единиц является осознанным и преднамеренным со стороны писателя и служит для передачи авторских импликаций.

Из-за необходимости избегать не обусловленных авторским замыслом повторов большинству эмотивных микротекстов присущи лексемы, входящие в одно микрополе, но обозначающие разные оттенки эмоции. Анализ показал, что в дискурсе подобные единицы могут частично утрачивать семантические различия, т.к. общая сема, сводящая эти лексемы к средствам передачи некоторого переживания, выходит на первый план и становится важнее, чем различия в силе эмоции. Рассмотрим пример:

*Яе вочы... загарэлiся радасцю, але яшчэ хутчэй гэтая радасць скрылася за напускной незадаволенасцю, **раздражненнем**, жаночай крыўдлівасцю.*

– Ну, ты ў сваім стылі! Пазней не мог падысці? – *абуралася* Зося... <...> *Зоська была надзіва прывабная ў няшчырым **гневе*** [ЮП, с. 67].

Эмоция злости вербализована лексемами *раздражненне, гнеў, абурацца*; также называются близкие к злости переживания *незадаволенасць* и *крыўдлі-*

васць. На наш взгляд, контекст не позволяет заключить, что произошло накаление ситуации, повлекшее превращение раздражения в гнев, т.е. автор использует разные единицы с семантикой злости, прежде всего избегая повторения, а не иллюстрируя изменение силы эмоции, на которое, как правило, указывают дополнительные маркеры.

Насыщенность эмотивными единицами является важным, но не обязательным критерием выделения эмотивных текстовых фрагментов. В акциоцентрических микротекстах (термин по [1]), содержащих описание действий, число эмотивных лексем минимально, что не мешает реципиенту верно определить ведущую эмоцию: *He trashed the hotel room. <...> He hurled food against the wall, broke dishes, ripped the blanket and sheets off the bed, upended the mattress, and hammered a wooden chair on the floor until its legs broke. <...> He trashed the hotel room to vent his rage...* [FP, p. 441–442] ‘Он разгромил номер. <...> Он швырял в стену еду, бил посуду, сорвал с кровати одеяло и постельное белье, перевернул матрас, колотил по полу деревянным стулом, пока не сломал ножки. <...> Он громил номер, давая выход ярости...’ [ФБ, с. 657].

Таким образом, анализ показал, что эмотивные ситуации в художественном дискурсе на обоих языках выделяются по тематическому принципу, а их границы устанавливаются с опорой на объемно-прагматическое деление текста и особые лексические и графические маркеры, имеющие в двух языках некоторые различия. Выявлены ключевая роль лексики, *называющей* эмоциональные переживания, и бóльшая вероятность вербализации в прямой речи стенических эмоций. Определено, что идентификация эмоции в начале микротекста способствует его однозначной интерпретации, а название эмоции в конце – ретроспективной классификации ситуации. Выделены типы эмотивных ситуаций по количеству субъектов (моно- и полисубъектные) и ведущих эмоций (с одной или двумя). Отмечен кластерный характер проявления переживаний в художественном дискурсе. Выявлено, что повтор эмотивных единиц в современных романах является преднамеренным и передает интенсивность эмоции или ее важность для сюжета/героя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филимонова, О. Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / О. Е. Филимонова. – Санкт-Петербург, 2001. – 382 л.
2. Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
3. Thorndyke, P. W. Cognitive structures in comprehension and memory of narrative discourse [Electronic resource] / P. W. Thorndyke // Cognitive psychology. – 1977. – Vol. 9, iss. 1. – P. 77–110. – Mode of access : https://www.researchgate.net/publication/223201062_Cognitive_Structures_in_Comprehension_and_Memory_of_Narrative_Discourse. – Date of access : 03.04.2019.

4. *Thorndyke, P. W.* Cognitive structures in human story comprehension and memory : a dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy [Electronic resource] / P. W. Thorndyke. – Stanford, 1975. – 184 p. – Mode of access : <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED123587.pdf>. – Date of access : 03.04.2019.
5. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – 5-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2007. – 144 с.
6. *Van Dijk, T. A.* Macrostructures [Electronic resource] / T. A. Van Dijk. – Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1980. – 327 p. – Mode of access : <http://www.discourses.org/OldBooks/Teun%20A%20van%20Dijk%20-%20Macrostructures.pdf>. – Date of access : 01.04.2019.
7. *Изард, К. Э.* Психология эмоций / К. Э. Изард. – СПб. : Питер, Лидер, 2011. – 460 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- КЦ – *Клімковіч, М.* Цень Анёла. Раман. Частка трэцяя / М. Клімковіч, У. Сцяпан // Маладосць. – 2008. – № 3. – С. 17–42.
- ЮМ – *Южык, М.* Марыянеткі і лялькаводы [Электронны рэсурс] / М. Южык. – Рэжым доступу : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid/=16458. – Дата доступу : 07.04.2017.
- ЮП – *Южык, М.* Перакулены час [Электронны рэсурс] / М. Южык. – Рэжым доступу : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16459. – Дата доступу : 12.04.2017.
- FP – *Franzen, J.* Purity : A Novel / J. Franzen. – N. Y. : Farrar, Straus and Giroux, 2015. – 492 p.
- SR – *Shriver, L.* The New Republic : A Novel / L. Shriver. – New York : Harper Perennial, 2012. – 359 p.
- ФБ – *Франзен, Дж.* Безгрешность : роман / Дж. Франзен; пер. : Л. Ю. Мотылев, Л. Б. Сумм. – М. : Изд-во АСТ : CORPUS, 2016. – 736 с.

The article deals with emotive situations in English and Belarusian fictional discourse. It looks at the criteria for singling out these situations and discusses the role of various classes of emotive lexemes.

Поступила в редакцию 05.06.2019

Я. Я. Іваноў

АБАГУЛЬНЕНАСЦЬ ЗМЕСТУ ЯК ЛІНГВІСТЫЧНАЯ ПРЫМЕТА АФАРЫСТЫЧНЫХ АДЗІНАК

В статье рассматривается семантика обобщения действительности в афоризме на материале белорусского, русского, польского и английского языков. Установлено, что обобщение действительности приобретает в афоризмах специфический характер – универсальность, когда сообщается о целых классах неединичных объектов, количество